

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–3 за 2011 год

**Гале Кулаковской 10 лет 9 месяцев,
Саше Раскиной 5 лет 7 с половиной месяцев.
29 декабря 47.**

Шура, уходя, говорит Саше:

— Отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!

Саша повторяет: «Отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!» и тут же, повернувшись ко мне, радостно заявляет:

— Мама, смотри, как я хорошо придумала: отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!

*

В 3 часа ночи Шура разбудил Сашу и спросил ее:

— Сашенька, у тебя что-нибудь болит?

Отчаявшись, Саша спросонок ответила:

— Ухо...

Остаток ночи Шура не спал. Мало того, он побежал и разбудил меня, сообщив прерывающимся шепотом: «Фрида, Саша говорит, что у нее ухо болит». Я, грешница, повернулась на другой бок и опять уснула, успев только расслышать, как Анисья Матвеевна произносила шепотом какие-то бранные слова. Я даже не могу привести их тут.

Утром Саша встала веселая и здоровая.

*

Однажды к нам в гости пришли мальчуганы Боря (четвертый класс) и Гриня (седьмой). Умные мальчишки, только немного скороспелые — отличники, начитанные и обо всем рассуждают с высоты своих десяти и тринадцати лет:

Гриня, разворачивая «Литературную газету»:

— Маршак переводит совсем неплохо.

Шура, робко:

— Я сказал бы даже, что он переводит хорошо.

Гриня, снисходительно:

— Пожалуй...

Галя страстно желала попасть в тон в этом умном, взрослом разговоре. Когда Гриня спросил ее, за какую футбольную команду она болеет, Галя ответила:

— За Динамо, конечно. ЦДКА играет очень серо.

При этом она умоляюще посмотрела на меня.

В таких случаях я обычно говорю: «Галя, не рассуждай, пожалуйста, о том, чего ты не понимаешь». Но на этот раз я ее пощадила и смолчала.

Саша смотрела на мальчишек почти набожно. Ей очень нравилось все, что они делали, и она с готовностью смеялась, когда догадывалась, что они острят.

30 декабря 47.

Сегодня Галя разбила 3 глубокие тарелки, 3 мелкие и 3 блюда. Говорят, что посуда бьется к счастью.

*

Саша:

— Мама, знаешь, как мне горестно, что тетя Анисья выходит замуж.

Все предыдущие няни относились к Саше очень ласково. Анисья Матвеевна разговаривала с ней примерно так: «Александра, садись, ешь!», «Александра, руки мыть!», «Еще раз полезешь в чемодан — руки оборву», «Закрой шкаф, а то руки обобью».

Саша очень часто бунтовала, пыталась не слушаться. А теперь ходит по пятам за Анисьей Матвеевной, обнимает ее и вообще действительно горюет.

31 декабря 47.

Саша:

— Мама, у нас есть книжка «Мертвые души»?

— Есть, а зачем она тебе?

— Мне она не нужна.

— Зачем же ты спрашиваешь?

— Я потому спрашиваю, что ее читал Витя Смидович из «Воспоминаний».

Я прочла девочкам несколько отрывков из «Воспоминаний» Вересаева: «Плюшкин магазин», про Машу Плещееву, про то, как Витя с Юлей собирали вишни, и т. д. Саше все это очень понравилось. Приходя домой, я часто застаю ее за «Воспоминаниями». Сидит и читает, как большая.

1 января 48.

Приехал жених и увез няню. Она просталась с нами сердечно и даже всплакнула.

*

Дед Мороз принес Гале глобус и сласти. Шуре — носки и галстук. Няне и Саше — шоколад, мандарины, конфеты. Единственный человек, которому Дед Мороз не подарил ничего в нашем семействе, — Я.

2 января 48.

На днях Ирина Алексеевна [1] читала у нас свою повесть. Саша тоже слушала и под конец сказала:

— Так интересно, что у меня даже пальцы вспотели!

*

Я говорю:

— Сашуля.

Саша отвечает:

— Мамуля!

Я:

— Сашок

Саша:

— Мамок.

Я:

— Сашенция.

Саша:

— Маменция — Марк-Твенция.

*

Галя излагает Саше содержание «Тараса Бульбы»:

— ...И когда Андрий предался полякам, Тарас убил его и совершенно правильно сделал.

Саша подавлена. Галя поясняет:

— Ну вот, например, я перешла бы к немцам — что бы мама со мной сделала?

Саша, нерешительно:

— Убила бы?..

Галя:

— Конечно!

5 января 48.

У Саши есть свой взгляд на художественную литературу.

«Мама, — говорит она, — почему это Барто так прекрасно пишет?» Или: «Какие хорошие стихи у Трутневой, я хочу с ней познакомиться».

*

Саша, вдруг:

— Мама, если ты поженешься на другом муже, то уж лучше я помру.

— Что это тебе в голову пришло?!

— А я вспомнила, как один раз папа пришел, а ты спрашиваешь: «Принес что-нибудь сладкое?» А он ответил: «Нет, не принес». И тогда ты сказала: «Мне таких мужей не надо». Вот я и решила, что ты хочешь пожениться на другом человеке.

*

Саша, вместо «вспомнила» — «перепомнила»:

— А, теперь я все перепомнила!

6 января 48.

После отъезда Анисьи Матвеевны я кормила семью преимущественно сосисками и жареной колбасой. Почувствовав, что терпению домашних приходит конец, я решила сварить суп и сделать настоящее второе. Саша оценила мои усилия. Милая, добрая девочка, поев, она сказала:

— Спасибо за прелестный обед!

*

Саша, к вечеру:

— Мама, посмотри, как хорошо, как весело без няни. Давай, пусть у нас больше не будет нянь. Няни — они всегда то одно не разрешают, то другое.

— Так я ведь тоже не все разрешаю.

Саша:

— Если ты даже не разрешаешь, мне все равно приятно.

7 января 48.

Саша:

— Мама, почему старые коты ничего не любят?

— Кто тебе сказал?

— Видишь, я была в гостях у тети Сони и познакомилась там с котом. Ему 12 лет, он старше меня. И вот я его гладила, под шейкой гладила, за ушами, по усам погладила, спинку, а он не мурлыкал. Тогда я поняла, что старые коты ничего не любят.

Она постоянно кончает свои рассказы какими-нибудь умо-заключениями.

8 января 48.

— Саша, ты чего плачешь?

— Потому что ты сердисься.

— Но ведь я не на тебя сержусь?

— Все равно, я не могу, когда ты сердисься.

Стоит мне нахмуриться, Саша испуганно восклицает: «Ой, все пропало! Ты сердисься!» — и плачет. К Шуре это не относится — он может сердиться сколько угодно. Я спросила Сашу, почему она не плачет, когда папа сердитый. Она помолчала, подумала и сказала:

— Папа сердится и молчит, а ты, если рассердишься, говоришь страшные слова.

— Какие слова?

— Ты говоришь: «Черт знает что!», «Какая подлость!».

Гм...

*

Саша, рисуя:

— Ах, глупая я баба! Не тем карандашом покрасила!

*

Саша:

— Мама, а волк понимает по заячьему языку?

11 января 48.

Сегодня Саша отбыла на Стреле в Ленинград.

Услышав, что поедет она вместе с дядей Ираклием [2] и тетей Вивой, у которых есть дочка Манана, Саша изрекла: «Какие все имена чудные!»

Придя в купе, воскликнула: «Какая комнатка маленькая! Изолированная?»

А когда мигнул свет, спросила: «Ограничитель?»

И, наконец, увидев, что П. И. Лавут [3] закурил, осторожно сказала: «А я читала, что курить воспрещается».

(Я даже не подозревала, что у нее такой обывательский лексикон. Однажды за обедом она поразила нас следующей располной фразой: «Храните деньги в избирательной кассе!» — тут, видимо, перемешалась избирательная кампания со сберегательной кассой.)

Утром, когда Шура было раздумал брать ее, огорчилась, но вела себя сдержанно, только сказала:

— Какое у тебя слово неверное, как у царя.

Потом стала читать мне невообразимо длинную сказку под названием «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Читая, поминутно спрашивала: «Страшно тебе?» и добавляла: «Не надо страшиться, все будет хорошо».

*

Галя увлекается книгой «Жизнь и приключения Роальда Амундсена». Все географические названия отыскивает на карте.

Галя с нетерпением ждала минуты, когда Саша с Шурой уехали, очень хотела поскорее остаться со мной вдвоем и теперь наслаждается моим обществом.

14 января 48.

Галя:

— Когда я получаю тройку, ты любишь меня меньше, чем всегда. А почему, если тебе статья не удастся, я все равно люблю тебя по-прежнему?

— Потому что ты тройки получаешь по небрежности. Я же...

— Пожалуй, ты права.

15 января 48.

От Шуры пришло письмо.

Про Сашу он пишет так:

«Вела себя дочка безукоризненно, только боялась засыпать без меня (я стоял с Ираклием в дверях купе со стороны коридора), причем это вполне можно понять и простить. Я присел к ней, и она быстро уснула. Иракий и Вива очарованы ею. Саше было все безумно интересно. Иракий и Павел Ильич пели хором для нее. Кое-как переспав, мы подъехали к Ленинграду. Я внушал девочке, что надо слушаться бабушку [Галину бабушку Ваю. — А. Р.], много гулять, научиться самой одеваться и приехать к маме здоровенькой, красненькой, голубенькой, беленькой... “Я не пластилин!” — сухо заметил ребенок, убив Павла Ильича наповал.

Встреча была роскошная, по первому разряду. Со всех сторон кинулись: бабушка Валя, дядя Илюша, тетя Руня [4] и дядя Шапиро с машиной (что особенно приятно)».

*

С нашими детьми не соскучишься: у Гали, кажется, аппендицит.

У Гали были: ветрянка, корь, скарлатина, свинка, дифтерит, коклюш, воспаление среднего уха. Когда нам показалось, что остались только сап и чума, Галя сломала ногу. Но, видно, и этим не исчерпалась ее изобретательность.

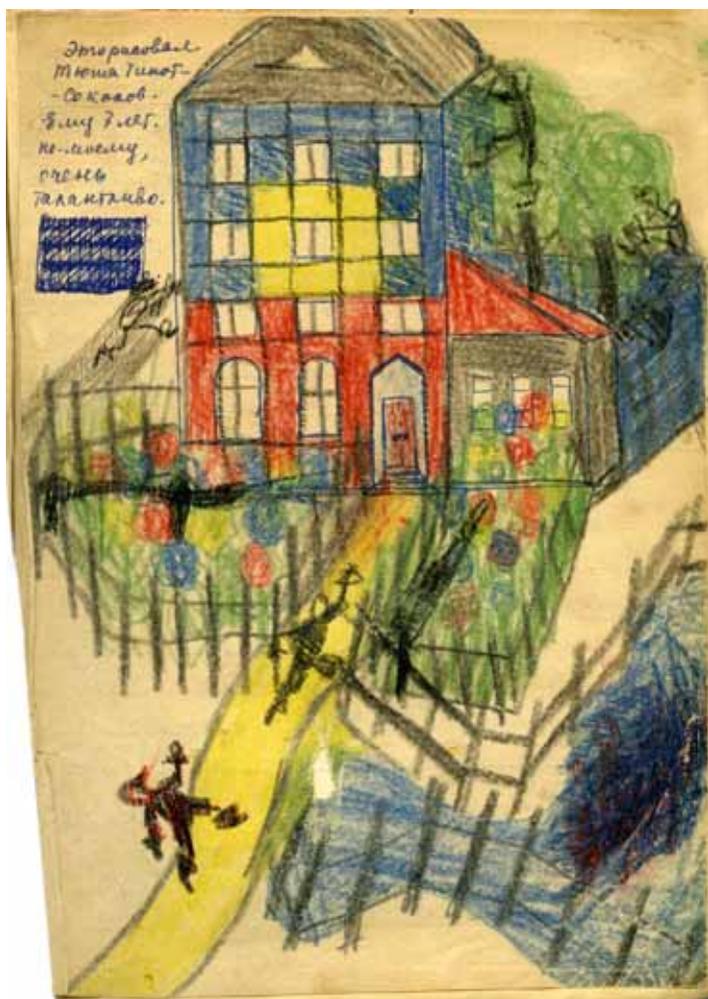
Неужели операция?

17 января 48.

Сегодня я отвела Гаю в Филатовскую больницу. Она вела себя очень мужественно. Объявила врачу, что операции ни-сколько не боится, а мне сказала: «Я знаю, когда я уйду, ты перестанешь есть и пить. Так вот, очень тебя прошу: ешь, пей и не грусти. А лучше всего переезжай на Сретенку, чтобы не быть одной».

А в глазах — любопытство: что такое ждет ее там, в больнице?

На прощание Галя сказала так: «Мама, если ты будешь приносить сладкое, то пирожных не надо: пирожные трудно ломать. Лучше шоколад, он легко делится на дольки и можно будет поделиться с соседями».

Рукой Ф. А. написано: Это рисовал Тюша Типот-Соколов. Ему 7 лет. По-моему, очень талантливо. [Тюша упоминался в № 11 и 12 за 2010 год]

18 января 48.

Пришла я домой. Немыслимо тихо и пусто.

Галя пишет из больницы: «Дорогая мама! Меня положили к моим ровесникам-мальчикам. Ребята хорошие. Я одна между ними девочка, но они относятся ко мне хорошо. Днем сегодня дали передачу. Один мальчик, мой сосед (ему голову продавила машина), угостил меня яблоками и конфетами. Я уже с ним подружилась».

19 января 48.

«Муся! Спасибо за подарок. Он очень вкусен. Вчера меня смотрел хирург и сказал, что оперировать будет во вторник. Ма-мочка, я видела грудную девочку с тремя носами. Это *страшно*. Целую тебя. Галя».

20 января 48 (перед самой операцией).

«Дорогая мамочка! Спасибо за халат. (Кстати, как пишется это слово?) Чувствую себя хорошо. Сегодня меня будут резать. Брррр! Завтра мне можно есть только мандарины. Гив ми плиз!»

А после операции она продиктовала сестре такое письмо:

«Мама, мне сделали операцию. Когда давали наркоз, я не плакала и вела себя хорошо. Сейчас чувствую себя хорошо. Не огорчайся».

Заместительница главного врача сказала: «Очень смешная и очень хорошая девочка. Когда шла на операцию, то все повторяла: нет, не буду плакать, нет, не буду плакать!»

Когда я пришла к ней на другой день, меня пустили в палату. Она лежала такая славная, с большими-большими прозрачными глазами, полными слез. Но сказала только: «Не обращай внимания, это просто так».

Ей говорить было больно, она тихо лежала, держа меня за руку. А девочка, ее соседка, и мальчуган — сосед с другой стороны — оба сказали: «Она у вас молодец, даже не стонала! И не мешала нам спать!»

И кто бы мог подумать такое про Галку, которая проливает слезы из-за сущих пустяков по три раза на день!

25 января 48.

Письма из Ленинграда. Валентина Николаевна сообщает, что «несмотря на все происки Шуры, температура у Саша нормальная». Саша писем не пишет, ссылаясь на то, что она не умеет писать букву «Я», а «Р» у нее выходит очень толстое.

Дорогая Генри [См. примечание к записи от 15 января. — А. Р.], к моему большому удивлению, утверждает, что «Саша очень воспитанна». Не дичится, со всеми здоровалась, прочла вслух басню Крылова, даже с выражением, хотя тут же созналась, что ничего не поняла. Очень милый маленький жучок. Я пыталась ее расцеловать, но она, очевидно, к этому не особенно привыкла».

И, наконец, Шура:

«Саша упивается общением с тремя (!) сразу детишками (13 лет, 6 лет и полтора года) [5]. Командует всеми, дерется даже. Ребятишки очень хорошие, любят ее. Девочка прекрасно ест, по-свежела, порозовела, бывает на улице. Она свыклась с Ленинградом, обнаглела, позволяет себе не слишком слушать бабушку. Она шалит, прыгает — вообще больше стала похожа на обыкновенного человеческого детеныша».

Завтра она придет ко мне купаться, будет ночевать и толкать меня ногами под микитки.

У нее много недостатков, удивляющих Валентину Николаевну. Она мало что умеет делать сама, довольно противно ведет себя в коллективе. Кое-что здесь выравнивается, правда, довольно туго. Читает она сравнительно мало — это приятно.

Очень занятная головка. Упрямая. Уж который день добивается от меня ответа на весьма сложный вопрос: «Почему мы едим одно, а из нас выходит совсем другое?»

Валентину Николаевну она, по моим наблюдениям, заездил.

Как же ты живешь, кому отдаешь наши книги, не говоря уже о деньгах?» — последнее замечание относится непосредственно ко мне.

9 февраля 48.

Наконец-то Галя дома! Она пробыла в больнице 3 недели (вместо десяти дней), с тяжелой температурой: простуда, ангина. Господи, какое счастье, что она, наконец, тут!

*

Ленинградцы еще не приехали. Валентина Николаевна ругает меня в каждом письме: Саша не умеет ни одеться, ни раздеться, ни завязать узел, ни зашнуровать ботинки. «Столько взрослых вокруг, а ребенка ничему не научили!» — пишет Валентина Николаевна.

Все это, конечно, верно, но виновато в этом не я.

10 февраля 48.

Галя догоняет класс. зубрит историю, географию и прочее.

— Мама, за что Екатерина вторая убила своего мужа?

— Ммм... потому что он был неумный и слабосильный, — не очень вразумительно отвечает мама, занятая очередной статьей в «Комсомольскую правду».

— А как бы ты поступила на ее месте? Так же, наверное?

Тут уж я бросаю статью:

— Неужели, — говорю я, — ты считаешь меня способной убить человека только за то, что он неумный?

После длительной паузы Галя произносит:

— Да, конечно, если бы ты способна была убивать неумных и слабосильных, ты давно бы убила меня...

Мы обе смеемся. Но я чувствую, что отвечала не так, не то и вообще нелепо. Но пускаться с Галей в длинные разговоры просто опасно: того и гляди — увянешь.

*

Галя продолжает зубрить историю.

— Как же так, — в полном недоумении восклицает она, — «буржуазия, опираясь на революционный народ...» — как может буржуазия опираться на революционный народ?!

Или, в ответ на мои слова «Суворов был не только великий полководец, но и замечательный человек»:

— Да, замечательный, а восставших поляков подавлял. Как же так?

А я и сама не знаю — как Или вот — дала я Гале читать «Петра I», переделанного [А. Н.] Толстым для детей. Она читает, и изумление ее не имеет границ:

— Как же, как же так? — почти вопит она. — Как же в учебнике написано и ты говоришь: «Петр — великий», «Петр — важный», «Петр — смелый, мужественный», а ты знаешь, что он сделал, когда стрельцы восстали? Он сбежал! Он так поспешно бежал, что слуги помчались за ним с криком: «Ваше величество, Ваше величество, как же вы без портков-то? Портки-то возьмите!» Понимаешь, так струсил, что убежал без штанов! А ты говоришь — великий!

17 февраля 48.

Сегодня встретила Сашу. При виде меня она завопила: «Ура!!!» (Пробыла в отъезде месяц и 6 дней). Привезла с собой четыре новых туалета и очень кичится этим.

*

— Галя, — говорю я. — Вот послушай, что было: ученицы пятого класса узнали, что одна из их подруг очень нуждается. У нее не было ни обуви, ни теплой шапки. Вот они собрались, скопили денег, купили шапку и преподнесли девочке на сборе отряда. Как, по-твоему, правильно они поступили?

— Нет, — отвечает Галя, не задумываясь. — Они должны были отдать ей в одиночку, потихоньку, а не на сборе.

*

В больнице, куда Эдду положили на исследование, сосед ее, мальчик, нарисовал ей в альбоме сердце, пронзенное стрелой. Она сообщила Норе по этому поводу: «Один мальчик нарисовал мне какую-то репу с палкой».

*

Макс Жуков, попав с родителями в ЗАГС и увидев пальмы: «Мама, это Африка?»

27 февраля 48.

Пришла к нам вчера новая няня, Шура, немисливо говорливая и общительное существо. У нее, как у солдата Швейка, на каждый случай есть своя история. Истории все какие-то неинтересные, нелюбопытные, но нескончаемые: слушаешь, слушаешь — и не видишь конца:

— А вот прихожу я в аптеку — вы только послушайте, и говорю: дайте, говорю, пожалуйста, лекарство. А мужчина, такой интеллигентный с виду, говорит: а кому вам лекарство? А я говорю: девочке, ребенку. А он говорит: а сколько девочке лет? «Десять, — говорю, — или, может, одиннадцать, я, говорю, у них недавно живу, не знаю точно — десять или одиннадцать, но, вернее всего, я так думаю, десять с половиною». Он и дал мне лекарство. Выхожу я, смотрю: в булочную очередь. «Что дают?» — спрашиваю. А мне говорят: «Батоны». «А, что, — говорю, — по четыре сорок, или по шесть?» Ах, думаю, по шесть, надо взять — и вы только послушайте, вспоминаю: денег-то я с собой не взяла, нет, вы только послушайте, стою и думаю: что же делать?..

*

Саша:

— Кто такой гигант?

— Очень большой человек.

Но отделаться этим нельзя:

«А гигант может поместиться в нашей комнате? А если станет на четвереньки? А во сколько раз Дюймовочка меньше гиганта? А во сколько раз гигант больше меня? А гиганты ходят в одежде или голые? А что гиганты кушают? Они добрые или нет? А может один гигант убить всех немцев?»

Все это не сразу, а порознь. Значит, голова продолжает работать, раздумывать.

— Мама, если страус будет драться с гориллой — кто победит?

*

Галя очень груба с Сашей. «Уйди. Не приставай! Отстань! Что ты лезешь? Терпеть тебя не могу!»

Ф. А. с девочками. 1948 г.

После моих замечаний наступает временное затишье, а потом я опять слышу то же самое. Саша переживает это с горечью. Она говорит: «Мама, почему у меня такая скандальная сестра? Родилась она так?»

Или: «Мама, преврати меня в пса, я тогда убегу, раз меня Галя не любит. И почему она меня не любит? Разве я плохая?»

Когда я говорю: «Галя очень любит тебя. Когда ты была в Ленинграде, она скучала», Саша возражает: «Галя вроде Золушкиных сестер. Сначала они ее обижали, а когда она уезжала с принцем, то просили Золушку их простить. Вот и Галя. Сама первая задирается и обижает, а когда я уезжаю — скучает».

*

На Галию очень сердиться не могу: она опять лежит. Может быть, это ревматизм, а может быть и что-нибудь похуже. Лежит, читает. Выглядит хорошо, но все время ощущает боль в колене, не острую, правда, но непреходящую.

28 февраля 48.

Саша:

— Мама, зачем на свете существуют микробы? Мы бы прекрасно обошлись без них.

Она же:

— А у милиционеров есть дети? Где же они живут — в милиции, что ли?

*

У новой няни обнаружилось еще одно опасное свойство:

— А завтра я приготовлю на второе котлеты. Я так их делаю: беру мяса, провертываю, лук жарю, перемешиваю... А потом пудинг: беру рис, отвариваю, беру изюм, перемешиваю... А еще вот пирог жидкий: беру дрожжей, взбалтываю, беру муки, яиц, перемешиваю... А вот когда я жила у Кожевниковых... А вот когда я жила у одних евреев...

От всех этих «взбалтываю», «перемешиваю», «поджарю», «поперчу», «а вот у Кожевниковых» у меня стоит непрерывный звон в ушах, и я с тоской вспоминаю тихую милую Нину, которая недавно жила у нас и, может быть, еще вернется... А эта — ходячая поваренная книга и говорливая до ужаса, до отчаяния, до безумия, до того, что темнеет в глазах.

29 февраля.

Сегодня папе Абе 62 года.

*

Саша:

— Мама, как мне быть: мой столик стоит в папиной комнате, а когда папа со мной в ссоре, то он не разрешает входить. Как же быть?

— Как быть? Не ссориться с папой.

Молчание. А потом:

— А знаешь, как трудно быть хорошей?

2 марта 48.

Саша:

— Мама, почему на свете так много рук? Моя рука — видишь? Потом ручка от двери, от корзины, от чашки и ручка, которой пишут.

Когда Саша рисует, и у нее получается что-нибудь очень уж страшное, она говорит: «Это Бармалей. Или жена Бармалея».

*

Я кончу тем, что убью нашу новую няню.

5 марта 48.

Я купила Саше старофранцузские сказки. («Хотел бы я видеть того сумасшедшего, который купит эту книгу!» — воскликнул Шура, когда в книжной лавке писателей ему предложили ее.) [6] Там есть сказка «Красавица и Чудовище» (вариант аксаковского «Аленького цветочка»). В этой сказке волшебница говорит Красавице: «Не верь тому, что говорят тебе твои глаза, спроси свое сердце, оно скажет правду».

Саша заездила меня своими вопросами и рассуждениями по этому поводу.

— Что глаза говорят, я понимаю, а вот что сердце говорит — не понимаю. Я его спрашиваю-спрашиваю, а оно молчит. Объясни мне, как оно разговаривает.

— Вырастешь большая, поймешь, — прибегаю я к спасительной формуле.

— Нет, ты мне сейчас объясни. Может быть, оно покалывает?

— Да, покалывает.

— И что же это значит, если покалывает?

11 марта 48.

Саша:

— Мама, смотри: целоваться очень просто — надо прикоснуться губами к лицу и чмокнуть.

Гая произнесла по этому поводу длинную речь:

— Если просто прикоснуться губами и чмокнуть, это будет поцелуй не настоящий. А чтоб был настоящий, надо любить. Тогда будет поцелуй искренний. Вот нас мама целует редко, зато от души. А ты вот действительно просто чмокаешь — часто и без толку.

11 марта 48.

Саша:

— Мама, если я совершу какой-нибудь хороший поступок, меня наградят?

!!!

*

Саша:

— Мама, я прочла в «Чуке и Геке», как надо поступать, если мне будет сниться плохой сон. Вот послушай: сон, конечно, не пружина и его нельзя просто выбросить, но его можно погасить. Ты возьми, переверни меня на другой бок, проведи рукой по лбу. Тогда я засплю и улыбнусь. Это будет означать, что плохой сон погас.

12 марта 48.

Саша, на ухо, доверительно:

— Мама, почему у папы такой большой нос?

В самом деле!

15 марта 48.

Гая:

— Саша, если бы Гитлер предложил тебе съездить за миллион рублей лягушку, ты бы съела?

Саша, после очень долгого раздумья:

— Ну что ж, съела бы, ведь французы едят лягушек?

Гая, презрительно:

— Съела бы гитлеровскую лягушку?!

Саша, испуганно:

— Ой, я забыла, что это Гитлер предложил бы. Нет, от Гитлера, конечно, ничего не съела бы.

16 марта 48.

Сегодня маме Фриде исполнилось очень много лет [примечание Ф. А.: 33 года].

19 марта 48.

Саша:

— Гая уехала на Сретенку, а я тем временем научилась целоваться от души.

Минуту спустя:

— Мама, мне что, чмокнуть тебя или поцеловать от души?

20 марта 48.

У Сашки сложные и интересные ассоциации:

— Мама, видишь эту нитку? Я завязываю на ней узелки, но она не становится от этого короче. Совсем как с сундуком в сказке «Красавица и чудовище», помнишь? Там купец накладывал в сундук золотые монеты, а места в сундуке становилась все больше. Вот и нитка: я завязываю на ней узелки, а она становится длиннее. Наверное, волшебная нитка.

*

В ответах своих Саша очень нагла.

— Саша, зачем ты бежишь на мостовую?

— Хочу, чтобы машина меня раздавила.

— Саша, зачем ты играешь вилкой?

— Хочу выколоть себе глаза.

Шура:

— Я тебя не буду любить.

Саша, спокойно:

— А я еще больше не буду слушаться.

*

У Саши выпадают зубы, она по-старушечьи шепелявит. («Я шепелеваю», — говорит она.)

21 марта 48.

На днях Саша спрашивала меня, что такое лесть. Я объясняла долго и запутанно и, в конце концов, свела понятие лести к лицемерию. (Впрочем, если вдуматься, это ведь одно и то же.) Тогда я не знала, поняла ли Саша что-нибудь из моего объяснения. Но вот сегодня она говорит:

— Мама, во мне есть лесть.

— ?

— Когда тетя Шура дома, я говорю: «Какая вы хорошая».

А когда ее нет, я говорю: «Теть Шура сумасшедшая».

— Зачем же ты так делаешь?

— Потому что она мне не нравится.

— Зачем же ты говоришь, что она хорошая?

— Так я ведь еще не знала, что лесть — это нехорошо.

*

Саша:

— Мама, как ты думаешь, я тебя люблю?

— Не знаю.

— Ну подумай. Сообрази.

(Продолжение следует)

[1] Писательница И. А. Печерникова.

[2] Ираклий Луарсабович Андроников.

[3] Тот самый «тихий еврей Павел Ильич Лавут» из поэмы Маяковского «Хорошо!».

[4] В Ленинграде жила семья очень близких друзей Ф. А. и А. Б.: литературовед Илья Захарович Серман, его жена Руфь Александровна (будущая писательница Руфь Зернова), их дети Ниночка (родилась в 1944 году) и Марик (Бубик) (родился в 1946 году), а также мать И. З. Генриетта Яковлевна (Генри). Все они будут еще не раз упоминаться в дневниках Ф. А.

[5] В Ленинграде А. Б. жил в гостинице, а Саша — у Галиной бабушки Валентины Николаевны; «детяшки» — соседи по коммунальной квартире.

[6] Это было роскошное дореволюционное издание, очень дорогая книга. Ф. А., покупая ее, не знала, что А. Б. уже ее видел и отказался купить.

«Я беру их под свое покровительство из-за их неуобразимой душевной бедности, из-за судьбы, разрушенной ураганами исковерканного детства. Я их воспитываю, я их кормлю, я их лечу, я их наказываю, я их утешаю, я их прощаю, я им помогаю. Я прохожу с ними вместе долгий путь, по крайней мере, до их совершеннолетия, а часто и много дальше. Моя задача — помочь им вырасти в смысле практическом, моральном и эмоциональном, короче говоря, поставив их на ноги. В этом и состоит для меня евангелизация.

И пусть меня не просят помалкивать, потому что у меня самого нет детей. Есть, и еще сколько! Один тип из моего квартала как-то сказал: «Моя дочь — это твоя дочь, кюре!» Не удивляйтесь. Двадцать пять лет назад я помог его жене сохранить ребенка. И таких детей у меня множество».

Этими словами начинается книга французского священника Ги Жильбера «Поговорим о твоих сорванцах». «Они» — это трудные подростки и молодые люди, с которыми отец Жильбер работает уже сорок пять лет. Ему самому сейчас семьдесят пять. Но этого не скажешь ни по его манере держаться, удивительно простой и естественной, ни по внешности (длинные волосы, черная кожаная куртка с множеством значков, джинсы и разбитые ковбойские сапоги). Он одевается так из солидарности со своими подопечными, на которых полицейские нередко косятся с подозрением. (Конечно, для церковных служб и торжественных случаев у него имеется белый стихарь.)

Ги Жильбер родился в маленьком городке недалеко от Ла-Рошели. У него было четырнадцать братьев и сестер. Жили дружно, все домашние заботы делили поровну. Еще подростком Ги осознал свое призвание — он должен стать священником — и впоследствии поступил в семинарию. В двадцать два года его мобилизовали и отправили на алжирскую войну. В боевых частях он как семинарист не служил, но видел ужасы и жестокости, совершаемые обеими воюющими сторонами.

После окончания войны Ги закончил в Алжире духовную семинарию и стал священником. Ему выделили сельский приход.

В это время произошло событие как будто не приметное, но оказавшее огромное влияние на всю последующую жизнь Ги Жильбера. Как-то поздно вечером он буквально подобрал на улице мальчишку по имени Ален, сбжавшего из дома, где с ним обращались нечеловечески жестоко. Вначале Ги просто хотел пустить его переночевать, но на завтра не хватило духу выгнать Алена на улицу, и тот так и остался жить у Ги. Долгое время Ален вообще не хотел разговаривать. Потом отошел, стал рассказывать о своих уличных приятелях, чаще всего таких же бедолагах, и просить за них: с одним нужно было просто поговорить, другому дать совет... Разумеется, отказать Ги не мог. Благодаря этим беседам к нему, как он пишет, пришло озарение: «евангелизировать — значит повернуться лицом ко всем, кто нуждается в помощи, независимо от их веры и происхождения». К тому же, общаясь с уличными мальчишками, Ги постепенно приобретал навыки воспитателя.

О своих новых «функциях», никак не связанных с приходской деятельностью, Ги рассказал архиепископу Алжира, мудрому человеку широких взглядов. Тот выразил полное одобрение. «До сих пор у нас не существовало уличных священников, будете первым. Значит, одна нога в церкви, другая на улице. Только чтобы обе крепко стояли на земле и каждая на своем месте».

В тот момент Ги не представлял, насколько этот опыт пригодится ему в будущем.

Приход Ги был невелик. Как известно, после провозглашения независимости Алжира подавляющее большинство живших там французов бежало из страны.

Церкви разрушались. В конце концов не избежала этой участи и церковь, где служил Ги. На ее месте построили мечеть.

Священники, оказавшиеся не у дел, уезжали из Алжира. Ги поступил иначе. Он собрал вокруг себя большую группу местных подростков и стал для них кем-то вроде вожатого. Устраивал поездки по стране и летние лагеря, занимался музыкой и театром, организовывал кино клуб. Освоил арабский, прочел Коран и даже отмечал Рамадан со своими питомцами. Он никого не обращал, максимум — отвечал на вопросы о христианской религии. Все его подопечные как были, так и остались мусульманами.

Так продолжалось несколько лет, но внезапно все оборвалось. Ги Жильбера обвинили в прозелитизме — стремлении обратить других в свою веру — и потребовали немедленно прекратить всякую деятельность. Это был чисто политический шаг — алжирские власти хотели целиком подчинить молодежь своему влиянию. Ги Жильберу ничего не оставалось, как вернуться во Францию. Но он по-прежнему поддерживал связь со многими из своих бывших подопечных. Один из них, ставший специалистом по лечению ожогов, так объяснил свой выбор: «Эти люди невероятно страдают, а ими никто не хочет заниматься, потому что от ожогов идет ужасный запах». Он же как-то написал Ги: «Своим детям я старался передать то, чему ты учил меня: уважение к другим, толерантность, бескорыстную любовь, щедрость. Спасибо, Ги».

Вернувшись во Францию, Ги Жильбер присоединился к небольшой группе парижских священников-вэнтузиастов, работавших с трудными подростками. Для этого пришлось прослушать особый курс, необходимый для получения диплома «специализированного воспитателя». Вряд ли этот курс мог чему-то научить Ги. Один из преподавателей явно «был знаком с хулиганами только по комиксам», а чтобы понять другого, «требовалось пять словарей». Как в свое время арабский язык, так теперь Ги освоил жаргон и поведенческие коды «детей улицы». Иначе общение было бы просто невозможным. Темпераментный и острый на язык, Ги успешно применяет свои «знания» на практике. Так, парню, особенно цинично расписывавшему свои «подвиги», он дал пощечину, коротко и выразительно объяснив, за что. Но такая реакция все-таки исключение. Обычно со своими подопечными Ги разговаривает спокойно и мягко, лишь иногда прибегая к строгому авторитетному тону (если нужно, и крепким словечкам).

Очень многим отец Жильбер помог выйти в люди. К семидесятилетию его наградили орденом Почетного легиона. В 2007 году он сопровождал президента Франции Саркози в официальной поездке в Ватикан. Но иногда Ги Жильберу приходилось очень тяжело. Он рисковал жизнью, оставаясь наедине с опасным наркоманом или алкоголиком. Бывает, что его подопечные попадают в тюрьму (где он их непременно навещает). Кстати, к помощи отца Жильбера обращаются и представители ювенальной юстиции.

Обо всем, что было сделано и пережито, Ги Жильбер рассказал в своих книгах (их больше тридцати). Он выступает по радио, читает лекции в разных городах Франции, встречается со школьниками. Тема одной из недавних встреч: «Ты единственный в своем роде. Как ты распорядишься своими дарованиями?» В этих словах — кредо отца Жильбера: каждый человек уникален, в каждом есть что-то хорошее, это хорошее обязательно нужно разбудить, чтобы дать человеку силы поверить в себя.

Книга «Поговорим о твоих сорванцах» адресована родителям, а также бабушкам и дедушкам. Она ценна как отражение многолетнего разнообразного опыта незаурядного и талантливого человека.

Убеждения, моральная твердость

Воспитание требует, с одной стороны, авторитета, с другой — понимания. Но не давите на ребенка и не считайте себя непогрешимым. Точно так же не отступайте в сторону под предлогом того, что «свобода возвеличивает», развивает индивидуальность и чувство ответственности. Детям нужна твердая рука и солидные убеждения.

Сегодня более, чем когда-либо, молодые стремятся в моральном плане померяться силами со старшим поколением. Они сами вырабатывают свои убеждения и вовсе не ждут, что вы с ними согласитесь, но упорно хотят услышать ваше мнение. Что им больше подходит, они решат потом.

Если дети выдают вам истины монументальные, как египетские пирамиды, не удивляйтесь, — подростки больше всего на свете любят провоцировать. На самом деле у них очень мало опыта, а идеи постоянно меняются под влиянием впечатлений последней минуты. Подростки и сами ощущают хрупкость своих убеждений. Как бы они ни оспаривали ваши мысли, ваш опыт, они обязательно хотят с ним познакомиться. Пусть отрицают все, что вы говорите. Можете быть уверены: то, что вы делаете и, главное, что собой представляете, отпечатывается у них в мозгу, как на магнитофонной ленте.

Допустим, я по натуре самостоятелен и характер у меня твердый. Но если в детстве мне будут всё позволять, эти достоинства безусловно превратятся в недостатки, и я так и потащу их за собой по плохой дорожке.

Сколько нынешней молодежи увязает в зыбучих песках миражей, куда толкают ее собственные родители! Легче всего выпустить ребенка в пространство, открытое всем ветрам безответственности, вседозволенности и мнимой самостоятельности: «Решай сам!»

Не оспаривайте ценностей, дорогих сердцу вашего сына или дочери. Но беседуйте о том, что дорого вам, и не смущайтесь, если вас назовут «ретроградами» или «мещанами». Ваши ценности вечны, потому что основаны на усилиях, взаимоуважении, толерантности, честности, искренности и верности.

Одним словом, твердые убеждения и диалог — постоянный и дружелюбный.

Взрослые кисло улыбались

Несколько лет назад я выступал в Квебеке. Обычно перед лекцией дети разыгрывали сценки или декламировали тексты, где в юмористической форме представляли свои проблемы. Я получил от этого огромное удовольствие. Особенно мне запомнился светловолосый мальчишка лет двенадцати с хитрыми живыми глазами. Вот его речь.

«В понедельник вечером мама с папой ходят на приходские собрания.

Они образцовые христиане и регулярно выполняют свои духовные упражнения.

По вторникам у родителей гимнастика. У обоих лишний вес, так что спорт им необходим, чтобы похудеть.

В среду они встречаются с психологом. Кажется, там они обсуждают, как надо со мной общаться.

В четверг они помогают священнику готовить воскресную мессу.

По пятницам мы уезжаем за город. Но за неделю они так устают, что общаться со мной у них нет сил».

Дети в зале хохотали взхлеб. Взрослые кисло улыбались.

Время диалога

Я всегда повторяю родителям: «Пока они еще не разлетелись из гнезда, общайтесь с ними. Это так важно! Общаться не значит обязательно разговаривать. Часто бывает достаточно жеста, взгляда, совместных занятий спортом или совместного отдыха. И потом во время еды выключайте этот чертов телевизор. Он-то больше всего и мешает диалогу. У ваших детей и без того есть компьютер, дающий возможность виртуального общения, которое никогда не заменит настоящего».

Господи, преврати меня в телевизор

Господи, Ты такой добрый и любишь всех детей на Земле. Я прошу Тебя о великой милости: преврати меня в телевизор, чтобы родители заботились обо мне так же, как заботятся о нем.

Господи, Ты можешь сделать так, чтобы мама проявляла ко мне такое же внимание, как к своему любимому сериалу, а папа такой же интерес, как к выпуску новостей?

Я очень хотел бы, чтобы мне прощали ошибки во французском, как прощают их журналистам. Еще я хотел бы научиться говорить, как телеведущие. Их все слушают в полной тишине. А стоит мне открыть рот, как сразу же: «А ну-ка помолчи...»

Если с телевизором что-то не в порядке, родители тут же вызывают техника. Как было бы хорошо, если бы они и обо мне так беспокоились!

Скоро у меня появится младший брат. Я очень надеюсь, что родители не поступят со мной, как со старым телевизором, который они убрали в чулан и больше никогда не смотрят.

Как бы я хотел быть лучшим другом и любимым героем папы и мамы!

Господи, преврати меня в телевизор хотя бы на один день!

Станьте «антигероями»

Родители! Стремясь продемонстрировать свою силу и мужество, не переигрывайте. Пусть дети видят перед собой не супермена или героя, а «антигероя». Что я имею в виду? Для молодежи, живущей в обществе потребления, кумирами нередко становятся эстрадные певцы или

Как вырастить хулигана (памятка для родителей)

- Исполняйте все его желания, причем немедленно.
- Никогда не говорите «нет». Это может его травмировать.
- Не прибегайте к наказаниям. Если не удержались и чем-нибудь пригрозили, тут же возьмите свои слова обратно, попросите прощения и закончите крепким поцелуем.
- Не щадите общество, в котором он живет. Ведь ваш сынок или дочка так любят по любому поводу заявлять, что кругом одна глупость, идиотизм и бессмыслица. Никогда не упоминайте о том, что хорошего есть в окружающем.
- Не стесняйтесь при нем ссориться и вообще выяснять отношения. Это лучший способ подготовить ребенка к вашему разводу.
- Если вы совершили ошибку, объясните ему, что в этом виноват кто-то другой. Ребенок быстро усвоит: что бы он ни натворил, вина всегда будет лежать на обществе и вообще на «других».
- Не мешайте ему включать телевизор или компьютер в любое время суток. Звуки и образы займут его ум и сердце.
- Вашему отпрыску уже восемнадцать или двадцать лет, а он целыми днями валяется на диване и даже не думает искать работу? Значит, он еще нуждается в тепле домашнего очага.
- Если он оскорбил учителя и тот выгнал его из класса, немедленно отправляйтесь в школу и в присутствии вашего отпрыска выскажите педагогу-палачу все, что вы думаете о его репрессивных методах.
- Никогда не говорите с сыном или дочерью на темы морали, духовности, внутренней жизни. Подрастут — сами разберутся.
- Не просите их помочь по дому. Но обращайтесь в слух, когда они критикуют приготовленный вами обед или ужин.
- Кстати, скажите ему, что работу он все равно не найдет из-за иностранцев, которые едят его хлеб.
- Обязательно снабжайте его карманными деньгами, — и чтобы их было не меньше, чем у его приятелей. Иначе представляете, какое он испытает унижение!
- Если обнаружится, что ваш бумажник сильно «похудел», спиртное постоянно улетучивается, а пепельницы полны окурков, — ну что ж, бывает... Когда-нибудь пройдет.
- И если вам позвонят из полиции и попросят прийти, потому что ваш отпрыск попался на краже или на сбыте наркотиков, смело отвечайте: «А нам какое дело? Это его проблема». И постарайтесь вспомнить все плохое, что вы постоянно думали об этом негодном сыне или дочери.

спортсмены, которым платят миллионы. А то и парень из вашего же квартала, нажившийся на всяких сомнительных махинациях и разъезжающий в шикарной машине. Молодым нужны другие примеры — тех, кто близок к ним и помогает подниматься все выше, как ведущие в альпинистской связке. Дети должны знать о ваших трудностях и о том, как вы их преодолеваете, в чем ваша сила. Именно это помогает им взрослеть и лучше узнавать жизнь.

Мне доводилось слышать, как разговаривают с детьми родители, озабоченные их будущим. Поразительно — всегда одни и те же слова! Обязательно чего-то

«достичь», быть среди «выигравших», а не «проигравших», добиваться «успехов» и избегать «неудач». Но ведь и в неудачах есть свой смысл! Как писал Рабиндранат Тагор: «Закройте дверь перед всеми ошибками, и истина не сможет войти».

Что касается «успехов», они обычно отождествляются с деньгами. «Есть у тебя деньги, ты уважаемый человек, нет — ты никто», — это часто повторяют детям. Деньги — самый зловерный наркотик.

В школах я обычно спрашиваю учеников: «О чем ты мечтаешь?» И нередко слышу: «Зарабатывать много денег». До чего же грустно и неприятно! В старших классах я ставлю вопрос иначе: «Куда бы ты хотел пойти учиться?» И опять ответ, наводящий тоску: «В Высшую торговую школу». Я настаиваю: «Тебя привлекает именно это? Только об этом ты и мечтаешь?» Иногда они задумываются и начинают колебаться.

Я никогда не желаю молодым успешной карьеры. Я желаю им осуществить свою мечту.

Обращение к бабушкам и дедушкам

Бабушки и дедушки! Я знаю, что вы часто теряетесь перед внуками. Правда, что за последние сорок лет нравы и ментальность молодых изменились больше, чем за несколько столетий. Но ведь ваши внуки в этом не виноваты. Так что сокращать дистанцию придется вам.

Вас поражает их язык? Прислушайтесь внимательней, постарайтесь запомнить их словечки и выражения и время от времени вставляйте их в разговор. Это только облегчит вам общение.

Воздерживайтесь от комментариев относительно их одежды или стрижки. Не реагируйте на саркастические замечания о «предках». Поймите: любой взрослый для них вроде динозавра. Но это не значит, что к ним постоянно нужно подлаживаться. Иногда стоит и доспеками побраться. «Кевин, не может быть и речи, чтобы твоя девочка торчала у нас все воскресенье. Идите милуйтесь еще куда-нибудь, а нам дайте отдохнуть»; «Своих приятелей можешь сюда приглашать, пожалуйста, — только чтоб не курили или, по крайней мере, не разбрасывали окурки»; «Очень прошу, возвращайся, как мы условились, не позже, а то мы будем волноваться. Если бы нам было на тебя наплевать, мы бы ничего не говорили, но ведь мы тебя любим».

Бабушки и дедушки, у вас достаточно свободного времени и душевных сил; для внуков это как живой источник, из которого они черпают при каждой встрече. Пусть этот источник никогда не иссякает. Ваши внуки нуждаются в доброжелательных слушателях, с которыми можно поделиться. Родители, сами в состоянии вечного стресса, все реже и реже выслушивают детей. Особенно в случае развода. Тут ваша роль особенно велика.

Сколько подростков писали мне, как много значит для них ваше сердце и ваше внимание. Вы незаменимы. Внуки будут вести с вами доверительные беседы. Может, вам придется послужить буфером между детьми и родителями. Конечно, забот и волнений прибавится. Ничего, не развалитесь. Наоборот, почувствуете себя моложе.

Общаясь с внуками, старайтесь внушать им оптимизм и надежду на будущее. Никогда не копайтесь при них в грязном семейном белье. В жизни ваших внуков хватает напряженности, трудностей и конфликтов, они и так видят вокруг себя всякие гадости. Проблемы старшего поколения их не касаются. В жизни каждой семьи есть светлые, радостные моменты, — вот что должно оставаться в памяти молодых.

Мне известны случаи, когда детям, с их искренностью и спонтанностью, удавалось примирить враждующих родственников, собрать вместе разбросанных членов семьи. Благодаря своей непосредственности и отсутствию предубеждений ребенок легко вступает в контакт с родными и сводит их вместе; порой это иначе как чудом не назовешь.

Никогда не запрещайте детям встречаться с тем или иным членом семьи, разве только в случае опасности.

Если у вашей семьи имеется какое-либо солидное имущество, не привлекайте к этому внимания внуков. Они и без того постоянно сталкиваются с убожеством и соблазнами мира потребления. Не хватало еще, чтобы они стали высчитывать, какая доля наследства им положена.

Как ни странно, молодые тянутся к духовности, иногда к вере. Их родители, замученные работой и желающие лишь одного — преуспеть, давно потеряли интерес к таким вещам. Вы, бабушки и дедушки, должны помочь внукам в их духовных исканиях.

Только никакого давления, никакого прозелитизма! Хуже нет, чем насильно таскать ребенка на воскресную службу. Дети должны знать: вы их любите, всегда готовы выслушать и в меру своих сил помочь. Тогда ваше поведение естественным образом будет ассоциироваться для них с вашими убеждениями.

Другой взгляд

Сколько раз я повторял родителям, жалующимся на своего «проблемного ребенка»: «Он и так себя ни во что не ставит, а вы его еще принижаете. Что ж удивительного, если он пойдет по плохой дорожке. Измените отношение к нему, и он тоже изменится».

Самое важное — сказать ему: «Ты для меня очень много значишь. Я научу тебя хотеть и мочь. С твоими способностями все возможно».

Как-то я сказал одному парню, действительно трудному: «У тебя большое будущее».

Ежедневный
развлекательно-познавательный
интернет-портал
«СОЛНЫШКО»
приглашает на страницы
своего сайта
детей и любящих их взрослых!

Новое в мае 2011 года:

- фотовикторина «Есть на Волге такой город»;
 - майские фотоконкурсы детского обаяния;
 - к выпускным праздникам: новые сценарии, песни и ноты;
 - майские развивающие стенгазеты для детей 6–12 лет;
 - детский ежедневный астрологический прогноз на май
- и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт
[www.solnet.ee!](http://www.solnet.ee)

— Ты что, издеваешься? Мне сейчас пятнадцать, а школу я бросил в десять лет.

— Если ты поймешь, какие возможности в тебе скрыты, и будешь вкалывать изо всех сил, то сумеешь нагнать все, что было упущено за годы, которые ты выбросил псу под хвост.

Верить в них, надеяться и любить. Никто из них не может устоять перед дружеским теплом взрослого. Даже самые отчаявшиеся, которые не понимают, как можно любить таких, как они.

Сказать подростку: «Я верю в тебя» — очень-очень важно. Конечно, он не будет выполнять всех ваших указаний (иногда не по злой воле), но ничего, вы ему напомните. Так же важно сказать, что вы верите в будущее, особенно когда он теряется и не знает, как ему быть.

Любить — значит изо всех сил стараться увидеть то хорошее, что есть в глубине души каждого человека, и помочь ему самому осознать это. Не существует более высокой цели. Только доброжелательный взгляд близких людей может спасти нас от отчаяния.

Сегодня, когда, беспокаясь о будущей планете мы оставим нашим детям, я предложил бы задуматься о другом: каких детей мы оставим нашей планете?

Введение и перевод с французского И. Дмоховской (Париж)